Политическая экономия аграрных изменений[1]

Г. Бернстайн

Генри Бернстайн, профессор Школы восточных и африканских исследований в Университете Лондона, адъюнкт-профессор Колледжа гуманитарных наук и исследований социального развития в Китайском сельскохозяйственном университете Пекина. Соредактор журнала «Аграрные трансформации». Thornhaugh Street, Russell Square, London WC1H 0XG, United Kingdom. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk.

Ирина Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

По мнению автора, понимание аграрных трансформаций в современном мире требует анализа капитализма как особой системы социальных отношений между капиталом и трудом, которая по мере исторического развития меняет социальную природу мелких крестьянских хозяйств, запускает процессы коммодификации и порождает не единый «класс» крестьян или глав семейных хозяйств, а внутренне неоднородные классы мелких сельскохозяйственных капиталистов, мелких товаропроизводителей и наемных работников. Автор ставит перед собой сложную задачу — используя категориальный аппарат классовой теории Маркса о капиталистическом способе производства, внести упорядоченность в многообразные и сложные аграрные истории современного мира, обозначив ряд «общих тем» во всемирно-исторической карьере капитализма и отказавшись тем самым от простых и идеологически привлекательных морализаторских историй о крестьянском мире и его исчезновении. В статье обозначена общая логика исторических взаимосвязей колониализма и капитализма, породивших масштабные аграрные трансформации на всех континентах; выделены локальные и глобальные тенденции в развитии земледелия и сельского хозяйства; дана характеристика новых форм организации мировой капиталистической системы, возникших под влиянием неолиберальной глобализации; показана роль сопротивления капиталистической эксплуатации и земельной реформе в развитии современного агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: политическая экономия; аграрные трансформации; капитализм; колониализм; класс капиталистов; класс мелких товаропроизводителей; класс наемных работников; теория Маркса.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-8-37

1. Данная статья представляет собой сокращенный перевод книги Г. Бернстайна «Роль классов в аграрной истории»: она стала первой работой в серии «маленьких книг о больших идеях» в сфере аграрных преобразований, которая была инициирована С. М. Боррасом. Русское издание книги Бернстайна в настоящее время готовится к публикации.

Введение

Понимание аграрных трансформаций в современном мире требует анализа капитализма и логики его развития. Под капитализмом я понимаю систему производства и воспроизводства, фундаментом которой являются особые социальные отношения между капиталом и трудом: капитал эксплуатирует труд в погоне за прибылью и накоплением, а труд вынужден работать на капитал, чтобы добыть средства пропитания.

По мере развития капитализма меняется и социальная природа мелких крестьянских хозяйств. Во-первых, крестьяне превращаются в мелких товаропроизводителей, которые в целях выживания вынуждены интегрироваться в систему общественного разделения труда и рыночных отношений: оммодификация натурального хозяйства» — главная движущая сила капиталистического развития. Во-вторых, мелкие товаропроизводители подвержены классовой дифференциации — ее результатом стало формирование не единого класса крестьян или глав семейных хозяйств, а внутренне неоднородных классов мелких сельскохозяйственных капиталистов, относительно успешных мелких товаропроизводителей и наемных работников.

Тот факт, что Маркс проанализировал капиталистический способ производства на примере промышленного капитализма на северо-западе Европы, оставляет простор для интерпретаций и споров об истории капитализма *до* современной индустриализации и *с момента* его описания Марксом, в частности о том, как капитализм развивался в преимущественно аграрных обществах до индустриализации и каким образом промышленный капитализм определял логику аграрных трансформаций. Моя цель — используя понятия теории Маркса о капиталистическом способе производства, внести некоторую упорядоченность в многообразные и сложные аграрные истории современного мира. Я хочу обозначить ряд общих тем во всемирно-исторической карьере капитализма и соединить их с теми «сложными вариациями», которые соткали из этих общих тем частные аграрные истории. Я хочу предложить читателю темы и инструменты для размышлений, а не рассказывать несколько простых морализаторских историй, которые можно счесть идеологически привлекательными (скажем, что малое прекрасно, а большое уродливо, что крестьяне и семейные фермы добродетельны, а корпоративное сельское хозяйство порочно).

Производство, производительность и воспроизводство

Первоначальное и общее определение производства состоит в том, что это процесс приложения труда для изменения природы и создания необходимых и достаточных условий для человеческой жизни.

Труд предполагает активных субъектов (*агентов*) с целями, знаниями, навыками и энергией, которая и делает их производителями. Поскольку они осуществляют свою деятельность в природных условиях, то в процессе труда изменяют те экосистемы, в которых живут и неотъемлемой частью которых являются.

Ключевым понятием, связанным с процессом производства и основополагающим для обеспечения человеческого благополучия с точки зрения создания необходимых условий жизни, является *производительность*. Ее различные трактовки отражают результаты разных способов производства в их соотношении с другими формами трудовой деятельности. Производительность измеряется количеством товаров, произведенных за счет заданного количества конкретных ресурсов. Так, в сельском хозяйстве один из показателей производительности земли — урожай, собранный с единицы площади земли; другой показатель производительности — какой урожай может получить производитель с помощью определенных затрат труда. В значительной степени производительность труда зависит от используемого оборудования и технологий, однако разные трактовки и показатели производительности могут противоречить друг другу, например иногда ставится вопрос, не следует ли в определенных обстоятельствах считать урожайность (производительность земли) более релевантным индикатором, чем производительность труда.

Иной аспект производительности — качество труда, то есть какие усилия нужны для решения конкретных задач. Если усилий оказывается недостаточно, то это негативно сказывается на производительности: например, если крестьянин не умеет эффективно использовать какой-то инструмент — будь то мотыга, запряженный волом плуг либо трактор или он не может выполнять тяжелую сельскохозяйственную работу в Африке или Индии из-за плохого питания и недостаточного уровня здравоохранения, то результатом будет бедность.

Еще один фактор производительности в сельском хозяйстве — сырье, предоставляемое природными условиями, которые крайне вариативны и могут использоваться с разной степенью эффективности — сохраняться, разрушаться или улучшаться. Производительность зависит от плодородия почвы, которое можно ухудшать, поддерживать или повышать, применяя органические и химические удобрения и разные типы земледелия; сортов и качества семян и возможностей его улучшить; запасов воды и их эффективного использования, включая учет непредсказуемости осадков в зонах богарного земледелия (принципиально отличного от орошаемого земледелия).

Рассмотренные аспекты производства и производительности — это *технические условия* сельского хозяйства. Однако сельскохозяйственная деятельность вовлекает своих участников и в социальные отношения; здесь важны инструменты и материалы труда, включая землю, права на урожай и т. д., — это *социальные условия*

производства, то есть отношения между людьми, которые определяют, как организована сельскохозяйственная деятельность, в том числе и с технической точки зрения. Они отвечают за *общественное разделение труда* между производителями разных товаров и услуг, деятельность которых взаимосвязана, а отношения формируются в процессе обмена продуктами труда.

По мере усложнения общественное разделение труда делает доступным все возрастающее разнообразие товаров и услуг на все увеличивающихся географических пространствах благодаря развитию транспортного сообщения и коммуникаций. И чем выше техническое разделение труда, тем более сложного социального взаимодействия оно требует. Кооперация может увеличить производительность труда даже в тех крестьянских хозяйствах, которые применяют простейшие орудия, аналогичные мотыге, обеспечивая экономию усилий за счет совместного строительства общих сельхозпомещений, гарантируя «эффект комплементарности», то есть «введения индивидуального труда в процесс, который имеет смысл лишь как единое целое» (рытье ирригационных каналов или строительство заграждений для защиты посевов), и временной эффект, то есть концентрацию усилий на выполнении работ, которые необходимо закончить в ограниченное время (например, сезонных) (von Freyhold, 1979: 22–25).

Техническое разделение труда влияет на производительность только при наличии соответствующей социальной организации; все, что делает отдельный производитель или работник, не может быть воспринято в отрыве от деятельности других. По сути, мы расширили определение технических условий труда, акцентируя внимание на агентах трудовой деятельности. То, что Маркс назвал производительными силами, включает в себя не только технологию и техническую культуру, но и способность людей организовываться для принятия решений о производстве, претворения их в жизнь, введения инноваций — всего того, что зависит от социальных условий производства.

Различные элементы производства также должны быть произведены. Даже земля, будучи по сути своей «даром» природы, изменяется по мере того, как люди ее обрабатывают, — ее плодородие может ухудшаться, сохраняться или повышаться. Постоянное воссоздание условий для сельского хозяйства и других видов человеческой деятельности — это «*воспроизводство*» орудий труда (земли, инструмента, семян, скота), нынешних и будущих поколений производителей, социальных отношений внутри данной группы и в обществе в целом. Существует *фонд потребления* для удовлетворения насущных и ежедневных потребностей в еде (жилище, покое и др.), и *запасный фонд* — для восстановления таких ресурсов, как сельскохозяйственный инвентарь, семена и удобрения. На протяжении большей части истории всю нагрузку по воспроизводству ресурсов брало на себя крестьянское домохозяйство.

Еще один тип ресурсов — *церемониальный фонд*, или доля результатов трудовой деятельности, используемая для создания и воссоздания культур и социальных отношений внутри сельских сообществ. Один пример — ритуалы и обряды перед началом посевных работ, празднества после сбора урожая; другой пример — коллективные празднования «обрядов перехода» (рождения, заключения брака, постройки дома для новой семьи) и коллективный траур.

Фонд потребления, запасный и церемониальный фонды всегда существуют в обществах, сосредоточенных на удовлетворении потребностей и действий их членов по «выживанию» и не характеризующихся резкой социальной дифференциацией, за исключением гендерных и поколенческих различий. Но как только мы обращаемся к четвертому и последнему типу претензий на результаты труда — *фонду ренты*, то оказываемся в ином формате социального взаимодействия.

Для создания запасного и церемониального фондов необходимы излишки продукции — объемы, превышающие затраты на потребление. Данное правило работает для всех типов обществ, которые можно разделить на три категории по критерию эволюционного следования друг за другом. Первую группу обществ справедливо назвать выживающими — они воспроизводят себя на том же уровне потребления (и, как правило, численности населения), что, впрочем, не означает, что эти общества считали себя бедными. Оседлое хозяйство сформировалось благодаря одомашниванию растений и животных и породило фонд аренды и следующий исторический тип обществ — *аграрных*, развитие которых сопровождалось ростом численности и плотности населения, формированием правящих классов, государства, городов и городской культуры.

Фонд ренты — платежи, которые крестьяне должны выплачивать тем, кто не занимается сельским хозяйством. Это могут быть землевладельцы, которые получают натуральную ренту (часть урожая), трудовую (работа на землевладельца) или денежную; государства, требующие налоговых выплат в натуральной или денежной форме или вводящие трудовые повинности в виде общественных работ или военной службы; религиозные власти, являющиеся землевладельцами или обладающие правом облагать население налогами и десятиной; ростовщики и купцы, у которых крестьяне берут в долг под залог будущего урожая,— так формируется денежная экономика. Аграрные общества должны производить излишки, превышающие потребности крестьян, связанные с потреблением и формированием церемониального и запасного фондов, чтобы поддерживать правящий класс непроизводителей. Способность *присваивать прибавочный труд*, то есть труд, не связанный с удовлетворением воспроизводственных нужд, составляет суть отношений *эксплуатации*.

Хотя правящие классы аграрных обществ были заинтересованы в регулировании экономической деятельности, чтобы успешно присваивать прибавочный труд, а иногда и в ее стимулировании (ска-

жем, организуя строительство ирригационных сооружений), они не пытались сохранить и реинвестировать присваиваемый прибавочный продукт в развитие производительных сил, чтобы систематически наращивать масштабы производства и уровень производительности. Напротив, они были поглощены контролем земли и труда как основных источников своих доходов (ренты, налогов и податей), удержанием власти (с помощью армии) и обретением славы (окружали себя роскошью, строили дворцы, храмы и церкви, покровительствовали религии и искусству). Трудовая эксплуатация, обусловленная стремлением наращивать объемы производства и производительность для получения прибыли, то есть *накопления*,— определяющая черта третьего типа общества — капиталистического.

При капитализме товарное производство имеет уникальный с точки зрения своей систематичности и *всеобщности* характер. Непрестанно увеличивающийся ассортимент продуктов и услуг производится как набор товаров для рыночных обменов в целях получения прибыли. Конкуренция между производителями — двигатель инноваций и роста производительности как *системного* развития производительных сил, уникальной характеристики капитализма (конкуренция также порождает перепроизводство).

Отличительной чертой капитализма является то, что центральное значение он придает *производительному капиталу*, который инвестируется в средства производства (землю, инструменты, технику, сырье и т. д.) и рабочую силу, использующую их строго организованным образом для производства новых товаров и создания новых ценностей. Это необходимо, чтобы получить прибыль от инвестиций. Затем прибыль вновь инвестируется, чтобы получить еще большую прибыль, в бесконечном цикле *накопления*, который Маркс назвал *расширенным воспроизводством капитала*. Капитализм — единственный способ производства, в котором рабочая сила и средства производства (не в последнюю очередь земля) доступны в качестве товаров.

Мы подошли к самой специфической черте капиталистического способа производства: капитализм — это система *общественных отношений* между капиталистами, владельцами средств производства, и работниками, которые обменивают рабочую силу, то есть способность к труду, на средства к существованию (воспроизводства). Рабочая сила имеет фундаментальное значение для капитализма, потому что это единственный товар, использование которого в производственном процессе создает бо́льшую стоимость, чем его собственная. Маркс назвал инвестиции в рабочую силу *переменным* капиталом, а в средства производства (технику, сырье и т. д.) — *постоянным* капиталом. Первый тип «переменен», потому что только приложение «живого» труда может создать новую стоимость. Второй тип «постоянен», потому что средства производства лишь переносят уже существующую стоимость («мертвую» ра-

бочую силу, результат прошлого процесса труда) на вновь создаваемый продукт. Разница между стоимостью переменного капитала и стоимостью произведенных благодаря ему товаров называется *прибавочной стоимостью*, в которой прибавочный труд присваивается и порождает капиталистическую прибыль.

Капиталистическая земельная собственность отличается от таковой в докапиталистических аграрных классовых обществах (скажем, при феодализме) тем, что здесь земля становится товаром, а ее владельцы получают права частной собственности — отсюда отчуждаемый характер земли: ее можно покупать и продавать, сдавать или брать в аренду. Следовательно, владельцы капиталистической земельной собственности в сельской местности (капиталистические фермеры) не обязательно сами ее обрабатывают — они могут сдавать ее в аренду тем, кто будет делать это за них (арендаторам). Класс *безземельных работников* сложился в результате первоначального накопления через экспроприацию земель у крестьян, что было необходимым условием их *пролетаризации*.

Колониализм и капитализм

На протяжении XIX столетия капиталистическая мировая экономика в возрастающей степени подвергалась воздействию индустриализации, и переломным моментом стали 1870-е годы и начало второй промышленной революции, которая породила постоянно увеличивающийся спрос на тропические сельскохозяйственные товары для перерабатывающей промышленности и на добываемые в колониях полезные ископаемые. С 1870-х годов (а) возросли зарубежные вложения в добывающие отрасли колоний (плантационное производство, крестьянское сельское хозяйство, горную добычу) и в их транспортное сообщение с мировыми рынками (железнодорожное строительство и судоходство); (б) была порождена последняя великая волна колониальной экспансии (в африканских регионах к югу от Сахары, в Юго-Восточной и Западной Азии) интересами и усилиями скорее европейских государств, чем торговых компаний; (в) возросло давление на британскую промышленность со стороны ее конкурентов — быстро индустриально развивающихся экономик Германии и США, а также Японии — первой незападной промышленной державы.

Первые колониальные аграрные трансформации начались в Карибском бассейне, Латинской и Северной Америке — это базовые регионы основанного на труде рабов производства в формирующейся мировой капиталистической экономике: сахарные плантации в португальской Бразилии, британские и французские колонии в Карибском бассейне, позже хлопковые и табачные плантации в южных колониях британской Северной Америки. К моменту колониального захвата эти зоны Нового Света были слабо заселены

сообществами, в основном ведущими натуральное хозяйство. Насильственная экспроприация земель у коренных народов прошла достаточно легко, а проблему недостатка рабочей силы европейские плантаторы решили за счет ввоза рабов. Рабство было отменено в Британской империи в 1833 году, но сохранялось до 1865, 1888 и 1889 годов соответственно в США, Бразилии и на Кубе.

На большей части испанской Америки иная форма земельной собственности определяла экономическую и социальную, политическую и культурную жизнь сельских поселений с конца XVII века — фазенды или поместья. Фазенды первоначально копировали и адаптировали феодальные институты и практики, привычные испанским колонистам. Они сочетали право поселенцев собирать подати с местных жителей в форме товаров или трудовых отработок и право на землю, дарованные за военную службу испанской короне. Сочетание прав на землю и на труд создавало тип земельной собственности, структурно схожий с поместьями европейских феодалов (Кау, 1974).

Сохранение контроля за сельской рабочей силой зависело от экспроприации и огораживания земель, чтобы ограничить доступ коренного населения к источникам существования. Расширение системы фазенд в разных формах в разные исторические периоды происходило под влиянием целого ряда факторов. Первоначально фазенды возникали и расширялись в условиях затяжной борьбы, особенно в регионах с высокой плотностью населения и сплоченными крестьянскими сообществами, как, например, в отдельных частях Центральной Америки и в Андах. В менее заселенных районах, скажем на равнинах Аргентины, Уругвая и Чили, фазенды появились позже и быстрее, поскольку рабочая сила для них по большей части ввозилась.

Другой ключевой фактор развития системы фазенд связан со временем не в меньшей степени, чем с пространством. Борьба (колониальных) землевладельцев с (коренным) крестьянским населением отражала исторические особенности коммерциализации сельского хозяйства (в рамках становления мирового рынка) и ее колебания. По мере увеличения потенциальной доходности сельскохозяйственной деятельности вследствие роста рыночного спроса землевладельцы стремились увеличить хозяйства и обрабатывать их с помощью арендаторов, превращая денежную или натуральную ренту в трудовую. Когда землевладельцы столкнулись с нехваткой рабочей силы для товарного производства и не имели возможности решить эту проблему за счет принуждения, им пришлось оплачивать работу арендаторов по крайней мере частично, что превращает трудовую ренту в наемный труд.

Большинство стран Латинской Америки обрели независимость от колониальных властей в первой половине XIX века (до того, как была колонизирована бóльшая часть Африки), получив в качестве наследия эпохи колонизации фазенды, повсеместно захватившие

и сконцентрировавшие в своих руках земельную собственность; сокращение большинства крестьянских хозяйств местных жителей до минифундий, занимающихся производством только для собственного потребления и являющихся полной противоположностью крупных латифундий (другое название фазенд); широкое распространение наемного труда, который часто сочетался с маргинальным (натуральным) хозяйством, элементами долговой кабалы и государственного принуждения.

Вероятно, сегодня в Латинской Америке представлен самый большой в мире диапазон форм аграрных социальных отношений и видов сельскохозяйственной деятельности. С одной стороны, здесь проживает меньше людей, занятых в сельском хозяйстве, чем в других важнейших регионах Юга. Бразилию отличает экстраординарная концентрация современного агропромышленного капитала и технического и финансового опыта и возможностей, поэтому она обладает потенциалом стать крупнейшей экспортной сельскохозяйственной экономикой мира, хотя Южный конус континента, включающий в себя Аргентину, Уругвай и Чили, также является крупным экспортером сельскохозяйственной продукции с высокой капитализацией и специализацией секторов сельского хозяйства. С другой стороны, в регионе наблюдаются очаги сохранения или возрождения «крестьянской» идентичности в районах с высокой концентрацией коренных народов в Центральной Америке и Андах, а также к югу, в зонах мелкого оседлого земледелия. Борьба за землю и современные условия ведения сельского хозяйства привели к созданию известных аграрных социальных движений, например La Via Campesina («Крестьянский путь») в Центральной Америке и Movimento dos Trabajadores Sem Terra (MST или «Движение безземельных рабочих») в Бразилии.

В XVIII веке британская экспансия вглубь Южной Азии, в многочисленные густонаселенные регионы крестьянского земледелия, привела к формированию крупнейших колониальных владений в истории, «бриллиантов» Британской империи. Постепенно к XIX веку грабеж сменили более предсказуемые и стабильные источники доходов и прибыли — в колониальной Индии возникли две системы земельного налогообложения вследствие «отказа от пиратства в пользу бюрократии» (Moore, 1966: 342). Первая система «постоянного поселения» была создана в Бенгалии и на прилегающих территориях Северной Индии в 1793 году: заминдары превратились из откупщиков и сборщиков податей (кем они были в империи Великих Моголов) в землевладельцев с правами собственности. Колониальные власти надеялись, что заминдары превратятся в консолидированный класс (буржуазных) собственников и воспроизведут британскую модель аграрного капитализма. По самым разным причинам эта колониальная мечта не была воплощена в жизнь (как и другие имперские фантазии). Власть заминдаров оказалась крайне вариативной в разных уголках индийского

царства под английским владычеством вследствие их борьбы с кастой земледельцев, с одной стороны, и классом ростовщиков и купеческим капиталом — с другой. Вторая базовая модель земельного управления и «поселений» — система райятвари, существовавшая на юге Индии в крупных районах Бомбея и Мадраса. Она, по крайней мере формально, гарантировала права собственности на землю тем, кто ее обрабатывал, при условии ежегодной выплаты налога.

Колониальная система Британской Индии не была аналогом поселенческого колониализма Великобритании в Северной и Латинской Америке. В Индии не осуществлялась широкомасштабная экспроприация земли, чтобы расселить европейских поселенцев, хотя было создано несколько плантаций для выращивания культур на экспорт. Крупнейшая огороженная территория контролировалась отделом лесного хозяйства колониального правительства, и большая ее часть использовалась для коммерческого производства древесины; утрата лесными угодьями статуса «общих», доступных крестьянским хозяйствам, скотоводам и племенам, сократила ресурсы, которые обеспечивали их существование. В то же время крестьяне все в большей степени интегрировались в международную капиталистическую экономику через «принудительную коммерциализацию» (Bharadwaj, 1985). Они были вынуждены выполнять все возрастающие денежные обязательства; производили экспортные товары, например хлопок, джут и опиум, а также продовольствие для внутреннего и внешнего рынков; выплачиваемая ими рента и налоги предназначались не только местным землевладельцам, купцам и ростовщикам, но и составляли часть прибыли британских торговых компаний, доходов колониальной администрации и фактически Британской империи как государства.

У большинства крестьян «принудительная коммерциализация» и — шире — коммодификация хозяйственных и повседневных практик не привела к заметному росту объемов производства, не говоря уже о производительности. Поборы в «фонд аренды», которые терпели беднейшие крестьяне, и долговая кабала означали, что ресурсы из производства продовольствия изымались для собственного потребления, что породило образ Индии и Китая как стран, подверженных угрозе голода. Способность многих индийских крестьянских хозяйств справляться с последствиями неблагоприятных погодных условий и плохих урожаев была подорвана коммодификацией, колониальным налогообложением и экономической идеологией колониальной администрации (Davis, 2001). А импорт фабричных товаров, таких как хлопчатобумажные ткани, из Британии разрушал местное мануфактурное производство и ремесла, столь важные для диверсификации сельской экономики. Именно колониализм в XIX веке увеличил бедность, «сельскость» и «крестьянскость» Индии; империалистическое проникновение в Китай имело те же последствия даже без прямого колониального управления (Bagchi, 2009). В то же время, как и в других странах, раз-

витие товарного производства усилило классовую дифференциацию крестьянства Индии (часто по тем же критериям, что и в кастовой системе).

Постепенная колонизация территорий Африки к югу от Сахары с конца XIX века привела к образованию трех «акрорегионов» (Amin, 1976): торговой экономики, трудовых резервов и концессионных компаний. Первый регион характеризуется экспортом сельскохозяйственной продукции крестьянских хозяйств, а иногда и крупных местных производителей, как правило объединенных в торговые дома. Как и в Индии, торговая экономика в Африке не породила повсеместной экспроприации земель и крестьянского закабаления. Коммерциализация сельской экономики осуществлялась без введения института частной собственности и земельного рынка, во многих случаях произошло лишь перепрофилирование хозяйств или распашка новых земель под какао и масличную пальму (в лесополосе), хлопок и арахис (в саваннах) — четыре традиционные экспортные культуры Западной Африки.

Второй макрорегион — трудовых ресурсов — простерся с востока через Центральную Африку на юг материка: здесь огромные территории были отчуждены в пользу колониальных поселенцев. Лишение африканцев земли и концентрация их в «родных резервациях» преследовали две цели: обеспечить землей белых поселенцев и их фермы, а также гарантировать постоянный приток рабочей силы в эти крупные хозяйства и плантации, на горнодобывающие комплексы Родезии, севера и юга (Замбии, Зимбабве и Южной Африки), которые привлекли огромное количество шахтеров-мигрантов из южных районов Мозамбика, Ньясаленда (Малави) и Басутоленда (Лесото). Отчуждение земли привело к тому, что африканские фермеры в поисках рабочей силы были ограничены перенаселенными и маргинальными с сельскохозяйственной точки зрения «родными резервациями», поэтому подвергали их одновременно экономическому и политическому давлению, чтобы в целях выживания их все возрастающее население было вынуждено мигрировать в поисках работы.

«Африка концессионных компаний» представлена бассейном реки Конго, и сегодня этот регион — свидетель бесчеловечных грабежей и выкачивания ресурсов из Африки. Концессионные компании получили в свое распоряжение обширные территории, что имело серьезные последствия для их жителей и природных богатств. Но концессионные компании не смогли создать здесь условий для системного и устойчивого капиталистического сельского хозяйства ни на фермах поселенцев, ни на плантациях — это удалось сделать на востоке материка (в Кении) и на юге (в Южной Родезии/Зимбабве и Южной Африке).

На большей части территорий к югу от Сахары, за исключением районов самых крупных (европейских) поселений, фермеры (включая скотоводов) не принуждались, а поощрялись к вступле-

нию в торговую (монетарную) экономику в качестве производителей сельхозтоваров и/или наемных рабочих. Здесь условия для окончательной пролетаризации подавляющего большинства крестьян созданы не были. Разные способы «поощрения» — налогообложение, обязательства выращивать определенные культуры, нести трудовые повинности или заключать трудовые контракты — первоначально предполагали «принудительную коммерциализацию», как в Индии, но система колониального налогообложения в Африке базировалась не на земле, а на людях — в форме подворного или подушного налога, иногда налога на крупный рогатый скот. Однако важно отметить и инициативу ряда африканских фермеров по введению товарного производства экспортной продукции посредством традиционных способов мобилизации местных земельных и трудовых ресурсов без поддержки или вопреки действиям колониальных властей.

Колониализм достиг своего пика в Азии и Африке в период консолидации мировой капиталистической экономики — с конца XIX до середины XX века, когда плантации в Карибском бассейне, Латинской Америке и Азии, характерные для первых этапов колониальной экспансии, были заменены «промышленными плантациями». Плантации нуждались в огромном количестве рабочих, которые набирались из беднейших крестьян и безземельных работников в сложной экономической ситуации, часто усугубляемой или вызванной их закабалением. Промышленные плантации значительно увеличили объемы высокоспециализированного монокультурного производства, обеспечивая мировой рынок такими промышленными товарами, как каучук, пальмовое масло, хлопок и сизаль, а также напитками и продуктами питания, которые стали предметами массового потребления разрастающегося городского населения индустриальных стран, — чаем, кофе, сахаром, какао (шоколадом) и бананами.

Другой показатель аграрных трансформаций — объединения колониального крестьянства Азии и Африки в качестве производителей экспортных культур, основных продуктов питания для внутреннего рынка и на экспорт, а также через трудовую миграцию на строительство железных и автодорог, для работы на плантациях, шахтах и портах. Эти процессы породили разные классовые структуры среди сельского населения колоний (иногда на базе прежних моделей социальной дифференциации) вследствие коммодификации средств к существованию и появления у некоторых крестьян возможностей для накопления.

По мнению ряда ученых, капитализм возник как мировая система благодаря колонизации — они отсчитывают момент его возникновения с прибытия Колумба в Новый Свет в 1492 году. Хотя прямой и непрямой колониализм способствовал переходу к капитализму в Европе, он не может считаться *достаточным* для этого *условием*: капитализм требует новой системы общественных отно-

шений и новой структуры производства, а они впервые появились в результате аграрного перехода в Англии (и других регионах на северо-западе Европы) и привели к формированию промышленного капитализма. Тогда можно выделить и противопоставить разные стадии и типы европейского колониализма, начиная с Испании и Португалии в XVI веке — феодальный или торговый колониализм и заканчивая британской и французской колонизацией с середины XIX до середины XX века. Богатство и могущество Испании в XVI веке, основанные на вывезенном из колоний серебре, сменились относительной экономической отсталостью, когда Британия и другие страны Европы осуществили переход к аграрному, а затем и промышленному капитализму; иными словами, богатство не то же самое, что капитал, вложенный в развитие производства и повышение производительности.

К. Маркс (Marx, 1976: 91) полагал, что страны на пути к капитализму могут «страдать не только от развития капиталистического производства, но также от недостатка его развития». Существует множество точек зрения на то, почему капиталистическое развитие было недостаточным в колониях в период их независимости, но в основном они отталкиваются от идеи, что колониальное втягивание Латинской Америки, Азии и Африки в мировую капиталистическую экономику «затормозило их развитие». Ряд авторов утверждают, что колониализм оказался не способен преобразовать общественные отношения в рамках производства в (достаточно) капиталистические даже в сельском хозяйстве — основе развития производительных сил в колониях. Провокационность этого аргумента состоит в том, что он постулирует неразвитость колоний не потому, что они подверглись эксплуатации, а потому, что «эксплуатировались недостаточно» (Kay, 1975), то есть в них якобы не удалось осуществить окончательный переход к капиталистическим производственным отношениям и характерному для них стремлению к повышению производительности труда и эксплуатации.

Другая логика рассуждений сводится к тезису об оттоке излишков: европейские державы создали такую систему колониального производства и торговли, которая позволяла им изымать ее излишки (прибыли) в собственных интересах и во благо своего класса капиталистов, — этот непрерывный процесс первоначального накопления способствовал становлению промышленного капитализма в Европе. Колониальные экономики были важным источником сырья — сельскохозяйственного и минерального, которое производил «дешевый труд» крестьян и полупролетариев. Индустриализация здесь была под запретом (как и другие продвинутые формы аграрного производства в густонаселенных сельских районах), потому что колониальные власти стремились исключить конкуренцию местных товаров с собственной промышленной продукцией и сохранить колонии в качестве «захваченного» рынка для экспорта промышленных товаров. В этой ситуации недостаточное капи-

талистическое развитие объясняется ограниченными возможностями первоначального накопления и формирования класса местных владельцев капитала на колониальных территориях.

Колониальные державы, особенно на последней стадии колониализма, в период становления промышленного капитализма заявляли, что их миссия — нести (буржуазную) цивилизацию народам Азии и Африки, но с надлежащими ограничениями, под контролем, постепенно, чтобы избежать социальных и политических беспорядков. Экономическое развитие колоний допускалось только как расширение здесь торговых отношений — выход на рынок и создание монетарной экономики. Представление о том, что колониализм был «объективно необходим», чтобы высеять семена капитализма в почву докапиталистических обществ Юга, опиралось и на работы Маркса: якобы капитализм олицетворяет прогресс, пусть и болезненный, потому что это более производительный тип экономической системы, чем все существовавшие прежде; он более эффективно использует рабочую силу, чем предыдущие типы классовых обществ, в качестве фундамента исторически беспрецедентного и непрерывного развития производительных сил. В результате после обретения независимости главной целью государственных стратегий экономического развития в бывших колониях стало расширение и углубление тех процессов становления капитализма, которые были запущены колонизацией. Неспособность добиться этой цели стала основным объяснением недостижения экономического прогресса (Warren, 1981; Sender, Smith, 1986).

Земледелие и сельское хозяйство: локальные и глобальные тенденции

На протяжении большей части своей истории вплоть до относительно недавнего времени земледелие было *локализованной* деятельностью и образом жизни. Сочетание сельскохозяйственной деятельности с кустарными промыслами, такими как прядение и ткачество (самые общие примеры), было широко распространено, но уничтожено вследствие развития капитализма и его стремления к специализации в общественном разделении труда. В аграрных обществах до капитализма — как в сердце Европы, так и в колониях — большинство населения занималось земледелием. То, что мы сегодня называем сельским хозяйством, тогда представляло собой некую совокупность крестьян и их занятий. Крестьяне были связаны через систему арендных и налоговых сборов и локальные формы обменов с теми, кто не занимался сельскохозяйственной деятельностью, но не участвовал в более широких форматах общественного разделения труда, в процессах технологических и рыночных изменений, которые характерны для сельского хозяйства при промышленном капитализме.

Понятие «сельскохозяйственный сектор» было изобретено после возникновения «современной», то есть капиталистической, экономической системы. Маркс отмечал, что общественное разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью, а также между селом и городом — особенность капиталистического развития, поскольку говорить об отдельном сельскохозяйственном секторе стало возможно только после того, как промышленный сектор завоевал позиции на Севере, а индустриализация стала главной экономической целью «национального развития» в странах Юга после обретения независимости от колониального господства.

Под сельским хозяйством или аграрным сектором в современной (капиталистической) экономике я понимаю земледелие *вместе со* всеми теми экономическими интересами, специализированными институтами и видами занятий, «входными» и «результирующими» аспектами, которые влияют на образ жизни и воспроизводство крестьянских домохозяйств. В рамках капиталистической экономики сельское хозяйство превращается в отдельный «сектор» в общественном разделении труда и как объект государственной политики. Оба аспекта взаимосвязаны друг с другом и с основополагающим механизмом капитализма — коммодификацией средств к существованию, в результате которой прежде самодостаточные крестьяне начинают полагаться на рыночные средства (товарный обмен) в целях воспроизводства. В итоге они начинают зависеть от денежных доходов, поскольку должны платить налоги и/или аренду наличными (а не натурой или отработками), приобретать потребительские товары, которыми не могут обеспечить себя за счет собственного труда или ресурсов местной экономики, и покупать средства производства — удобрения, семена, инструменты, сельскохозяйственное оборудование.

Период с 1870-х годов по настоящее время знаменует революционные изменения в технологических условиях сельскохозяйственной деятельности в противовес тем эволюционным трансформациям, которые были характерны для ее многовековой истории прежде, — это были осторожные и постепенные инновации в селекции сортов растений и видов животных, в обновлении методов и принципов земледелия и животноводства. Даже ранний переход к капиталистическому земледелию с начала XVI века до 1870-х годов не породил технической революции, сопоставимой со второй промышленной революцией. Материальной основой первой промышленной революции были железо, уголь и паровая энергия, второй — сталь, химикаты, электричество и нефть. Со временем, причем скорость изменений возросла с 1940-х годов, вторая промышленная революция и ее инновации трансформировали три аспекта производительности в сельском хозяйстве: изобретение химических удобрений и других агрохимикатов повысило производительность земли (урожайность); развитие научных методов селекции растений и животных (благодаря открытиям в генетике) также повлияло на урожайность; изобре-

тение двигателя внутреннего сгорания и его использование в производстве тракторов и другой сельскохозяйственной техники изменили производительность труда.

Глобальное разделение труда в сельскохозяйственном производстве и торговле, которое сложилось в 1870-х годах, включало в себя новые зоны производства зерна и мяса в «новых Европах» (Crosby, 1986), основанных поселенцами в ходе колониальной экспансии в умеренных широтах Северной и Южной Америки, в отдельных регионах Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии; более диверсифицированные модели сельского хозяйства в ряде регионов Европы и отток населения из сельских районов в города; специализацию на производстве экспортируемых тропических культур в европейских колониях Азии и Африки, а также в тропических зонах бывших колоний в Центральной и Южной Америке, причем культуры могли выращиваться как в крестьянских и капиталистических хозяйствах, так и на промышленных плантациях.

Центральным элементом глобального разделения труда и его экономической динамики стал переход от крестьянского земледелия к капиталистическому сельскому хозяйству, который взаимоувязал революционные изменения технологических условий и организации производства (особенно в «новых Европах», старой Европе и на промышленных плантациях в тропиках) с расширением масштабов международной торговли основными продуктами питания, которые производились в «зерно-животноводческих комплексах умеренных широт» и «тропических бакалеях» (сахар, какао, бананы, чай и кофе), и техническими культурами (каучуком, пальмовым маслом, хлопком, сизалем и джутом).

Политика колониальных держав в Азии и Африке в этот период была призвана одновременно принудительно коммодифицировать крестьянские хозяйства и содействовать формированию промышленных плантаций, поселенческих хозяйств и коммерческого лесного хозяйства. Коммодификация затрагивала и комбинировала разные виды деятельности, расширяя (и углубляя) общественное разделение труда за счет принуждения крестьян выращивать экспортные культуры, производить продовольствие для удовлетворения спроса работников горнодобывающей отрасли и строительства, городских предприятий и промышленных плантаций, заработная плата которых постоянно росла, а также наниматься на сезонные работы. В XIX веке колониальные правительства создали на своих азиатских и африканских территориях департаменты сельского хозяйства, но аграрные исследования колониального периода были сосредоточены на главных экспортных культурах, таких как каучук и сахар, фактически игнорируя основные продукты тропиков.

Сельскохозяйственные границы раздвигали и местные крестьяне, которые мигрировали и расчищали новые территории под экспортные культуры. В этот период они осуществляли подобную деятельность по собственной инициативе, но специализирован-

ное производство на экспорт во все большей степени вовлекало их во взаимодействие с капиталистическими компаниями, которые торговали, перевозили и перерабатывали их продукцию.

Мировая капиталистическая система была глубоко затронута двумя мировыми войнами — 1914–1918 и 1939–1945 годов и Великой депрессией 1930-х годов, имевшей серьезные последствия для международной торговли. Принимая во внимание характерную для капиталистического развития в разных регионах мира неравномерность и невзирая на сжатие мировой экономической системы, описанные выше процессы продолжались, хотя следует назвать одно исключение. Первый международный продовольственный режим распался в 1914 году, и политические меры военного времени вместе с депрессией породили протекционизм в сельском хозяйстве в странах промышленного капитализма. В то же время Великобритания, Франция и другие европейские колониальные державы пытались выжать еще больше ресурсов из крестьянского населения Азии и Африки. Департаменты торговли основными сельскохозяйственными товарами, которые были созданы для поддержки фермеров (и всей сельскохозяйственной промышленности) в Европе, в колониальной Африке были переориентированы на извлечение максимальных доходов из крестьянского населения. В Индии Великая депрессия лишь усилила тенденцию вытеснения производства основных продуктов питания для внутреннего потребления производством хлопка, джута, сахара и мелкозерновых культур на экспорт, что стало одной из причин великого бенгальского голода в 1943–1944 годах.

Для США и промышленно развитого Севера с конца 1940-х годов было характерно ускорение темпов технологической модернизации сельского хозяйства за счет химизации, механизации и выведения высокоурожайных сортов растений и высокопродуктивных пород скота. Ускоренные технологические преобразования сельского хозяйства на Севере объясняются ростом и концентрацией сырьевых агрокорпораций во «входном» секторе сельского хозяйства. Их роль в определении методов сельскохозяйственной деятельности внесла вклад в нарастание концентрации в агросекторе, где становилось меньше капитализированных фермерских хозяйств, но более крупных по размерам, что увеличивало масштабы их деятельности и производительность труда. Вскоре все это породило типичную для капитализма проблему перепроизводства: капиталистическая конкуренция и рост производительности приводят к появлению на рынке такого количества товаров, которые не могут быть проданы в силу отсутствия «эффективного спроса» (покупательная способность недостаточна для приобретения предлагаемых на рынке товаров). В свою очередь, «эффективный спрос» отражает другую фундаментальную черту капитализма — распределение благ, кто что получает, то есть «располагаемые доходы», которые потребители могут потратить (в том числе в кредит), а не кто в чем *нужда-*

ется. В глобальной продовольственной экономике не существует абсолютного дефицита, но многие голодают потому, что у них нет средств на покупку продуктов питания.

В отличие от сконцентрированного на регулировании цен первого международного продовольственного режима с характерным для него конкурентным давлением на европейское зерновое производство второй режим сочетал «меркантильную» торговую политику с «корпоративной организацией транснационального агропродовольственного комплекса с центром в атлантической экономике» (Friedmann, 1993: 18). В этом комплексе европейские страны копировали национальную американскую сельскохозяйственную политику в плане поддержки фермерских хозяйств и экспортной ориентации под эгидой ОСП, Общей сельскохозяйственной политики (сегодня — ЕС, Европейский союз).

Новые независимые государства Азии и Африки, появившиеся благодаря избавлению от колониальной зависимости, были аграрными обществами, но приверженными идеям национального развития, как большинство стран Латинской Америки, которые, как правило, были промышленно более развитыми. Модернизация сельского хозяйства обычно выступала центральным элементом программы национального развития, хотя зачастую и подчиненным задаче индустриализации. Приоритет индустриализации мог означать отказ от собственного производства зерна в пользу импорта дешевой пшеницы или отсрочку сельскохозяйственной модернизации до момента, когда развитие национальной промышленности могло бы обеспечить агропромышленный сектор современным сырьем, — эта точка зрения возобладала при разработке планов национального развития в Индии в первые 20 лет после обретения страной независимости и в рамках запуска программы «зеленой революции».

На пике популярности идей девелопментализма — индустриального развития под эгидой государства — в 1950–1970-е годы целый ряд политических мер был реализован правительствами Юга, чтобы модернизировать сельское хозяйство. Аграрная политика должна была разрешить некоторые противоречия и социальные конфликты, унаследованные от колониального прошлого. Земельные реформы самого разного типа были широко распространены в этот период, как и поддерживаемые или инициируемые правительством программы переселения сельского населения (типичная колониальная практика) в отдельных регионах Африки и Юго-Восточной Азии. В 1970-е годы «комплексные программы сельского развития как широкий пакет» мер, обеспечивающих доступность образования, услуг здравоохранения и экономических институций в сельской местности, активно пропагандировались Всемирным банком и АМР США (Агентством по международному развитию), что рассматривается рядом исследователей как реакция данных организаций на успех крестьянского движения, возглавляемого коммунистами, во Вьетнаме.

В этот период меры агропромышленного и — шире — сельского развития демонстрировали поразительное институциональное разнообразие и частые «смены парадигм», то есть, проще говоря, как и сегодня, были подвержены моде. Несмотря на вариативность, все программы модернизации основаны на одной схеме — создании *более продуктивного сельского хозяйства, основанного на большем углублении товарных отношений*, невзирая на тип хозяйств — мелкие или крупные, государственные или частные. Эту цель часто преследовали правительства Юга в партнерстве со Всемирным банком в рамках двусторонних донорских соглашений с США, Великобританией и Францией, а также с частным агропромышленным капиталом — все эти формы партнерства были ориентированы на определенные проекты модернизации. *Наиболее продуктивные* из них решали задачи технологической модернизации за счет внедрения усовершенствованных сортов и методов земледелия и широкого использования удобрений наряду с мягкой кредитной политикой и техническими консультациями (известный пример — «зеленая революция» 1960-х годов с высокоурожайными сортами «большой тройки» — кукурузы, пшеницы и риса). «*Углубление товарных отношений*» предполагало бóльшую вовлеченность фермеров в рыночные процессы, включая специализацию на производстве конкретных продуктов на продажу, а также покупку и использование большего количества средств производства и потребления, в том числе продовольственных товаров.

Сложно обобщить результаты попыток сельскохозяйственной модернизации в моменты популярности девелопментализма по причине многообразия политических мер, их технических и институциональных «пакетов», возможностей государства реализовывать таковые на практике, а также в силу разнообразия экологических условий и типов хозяйствования. Безусловно, существуют разномасштабные истории успеха, крупнейшей из которых стала «зеленая революция» в Индии — она позволила стране за короткое время полностью обеспечить себя зерном. Однако ее успех не был безоговорочным: существуют очевидные биохимические ограничения роста урожайности пшеницы и риса и проблема экологических издержек; не все крестьяне в равной степени выиграли, не все потребители продовольствия воспользовались результатами «зеленой революции» (часть земли, отданная под выращивание высококачественного и дорогого зерна, была изъята из производства «простых» культур, таких как просо и бобовые, — основного источника белка в рационе бедняков).

Неолиберальная глобализация и мировое сельское хозяйство

С 1970-х годов мировая капиталистическая экономика вступила в эпоху фундаментальных изменений, совокупность которых принято называть глобализацией. Это новые формы организации мировой капиталистической системы, которые включают дерегулирова-

ние финансовых рынков и «монетизацию» всех аспектов экономики; возрастающее дерегулирование международной торговли; трансформацию стратегий и технологий производства, снабжения и продаж транснациональными агропромышленными и производственными корпорациями; масштабные новые возможности, сопутствующие развитию информационных технологий в сфере экономики (производства и сбыта) и массовых коммуникаций. 1970-е годы — несомненный провозвестник последовавших структурных изменений мировой экономики, столь же серьезных, как и в 1870-е годы. Нынешние глобализационные процессы также были запущены рецессией мировой капиталистической экономики и ее попытками приспособиться, которые породили широкомасштабное расширение международных товарных потоков, в первую очередь финансовых, и снижение конкурентоспособности американской промышленности (как столетием ранее — британской).

Понятие «*неолиберальная* глобализация» означает, что изменения и динамику нынешнего периода нельзя рассматривать как «автоматическое» проявление циклической природы и противоречий капитализма (по аналогии с перепроизводством, избыточным накоплением и его давлением на показатели прибыли) — это определенная идеологическая и политическая программа, призванная разрешить проблемы капитализма за счет свободы и мобильности капитала, а также избирательного «отказа государства от регулирования рыночных цен». Во-первых, она привела к сокращению или отмене завоеваний рабочего класса, достигнутых в разное время и закрепленных в государственном законодательстве в положениях, регулирующих заключение трудовых договоров, длительность рабочего дня и условия труда, минимальный уровень заработной платы, возможности и право создавать ассоциации, получать медицинское обслуживание, образование, социальное страхование и пенсионное обеспечение. Во-вторых, глобальные рынки капитала подрывают возможности государств осуществлять автономную макроэкономическую политику, то есть политическая мантра о «конкурентоспособности» на мировых рынках и призывы к приватизации государственных предприятий и служб — проявления нарастающей коммерциализации всех аспектов общественной жизни в ходе неолиберальной глобализации. В-третьих, неолиберализм предлагает структурную перестройку государственных программ, экономическую либерализацию, приватизацию и «государственное реформирование», которые были навязаны странам Юга (и бывшего советского блока) и возвестили закат государственных проектов.

Сложно делать однозначные выводы и глобальные обобщения относительно итогов неолиберальной глобализации для сельского хозяйства во всех странах третьего мира, но можно выделить ряд тенденций. Во-первых, нарастание и углубление товарных отношений при одновременном сокращении государственных инвестиций, регулирования и контроля, снижении или отмене прямых и косвен-

ных субсидий, особенно для мелких фермеров, что «стало самым губительным аспектом структурной перестройки сельского хозяйства» (Desmarais, 2007: 48). Негативное воздействие неолиберальной глобализации в основном почувствовали на себе мелкие и бедные фермеры Юга, что породило во многих регионах новые волны деаграризации и раскрестьянивания.

Во-вторых, вследствие либерализации импорта ряд стран вынуждены были отказаться от национального развития посредством индустриализации и производства продовольствия для внутреннего рынка (импортозамещения) по причине их неконкурентоспособности, если цена собственного продукта оказывалась выше, чем импортируемого. Ориентация внутреннего рынка на девелопментализм сменилась стремлением развивать экспортное производство как якобы обладающее сравнительными преимуществами, что повлекло расширение производства традиционных экспортных культур (кофе, какао, чая, сахара, хлопка и пальмового масла); продвижение новых дорогостоящих товаров, особенно плодоовощной продукции, которые доставляются в супермаркеты Северной Америки и Европы по воздуху, как и продукты аквакультуры; расширение производства сои, сахара и зерновых частично для биотоплива и на корма, особенно в Латинской Америки. В-третьих, в разных регионах все типы сельскохозяйственных производителей углубляют коммодификацию и специализацию товарного производства.

В результате вновь провозглашается исчезновение крестьянства, мелкого и семейного хозяйства. Устранение крестьянства (Kitching, 2001) считают необходимым шагом приверженцы капиталистической и/или социалистической модернизации, для кого оно представляет положительное историческое явление, хотя и болезненное, поскольку прогрессивное движение к современности связано с крупными потрясениями: идея, что создание нового предполагает уничтожение старого, занимает центральное место в марксистском анализе капитализма и объясняет неприятие Марксом романтизации предшествующего капитализму периода. Трактовка устранения крестьянства как негативного исторического явления характерна для популизма: отстаивание непреходящей ценности и интересов мелкого производителя, будь то ремесленника или крестьянина, как представителя народа возникает снова и снова как идеологический лозунг оппозиционного движения, выступающего против изменений, порожденных накоплением капитала.

Производство, эксплуатация и сопротивление

В качестве наиболее общих объяснительных моделей прерывистости капиталистического развития, особенно в сельском хозяйстве, сегодня выступают те, кто подчеркивает (1) «препятствия» для инвестиций капитала в сельское хозяйство; (2) заинтересованность

капитализма в сохранении и даже поддержке воспроизводства мелких форм хозяйствования; (3) сопротивление мелких фермеров своей пролетаризации.

Согласно первому типу объяснений факторы, препятствующие широкомасштабным и прямым инвестициям в сельское хозяйство, кроются в нем самом. Скажем, если обрабатывающая промышленность имеет дело с материалами, которые уже отобраны у природы, то земледелие и другие виды крестьянского труда преобразуют природу в ходе и посредством присвоения ее материалов, поэтому вынуждены сталкиваться с непредсказуемостью природных условий и экологических процессов, непрогнозируемостью их влияния на рост растений и развитие животных. Второй тип объяснений тоже отталкивается от своеобразия природных условий, но концентрируется на различии временных затрат на труд и производство. В сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, временные затраты превышают рабочее время, поскольку учитывают естественные ритмы роста растений и животных. Это означает, что капитал связан и не способен производить прибыль до тех пор, пока урожай не собран или животные, которых выращивают на мясо, не отправлены на бойню.

Характерная черта современного капиталистического агропромышленного комплекса — попытка увязать сельское хозяйство с промышленным производством: *упростить, стандартизировать и ускорить* естественные процессы. Технологические новации в сельском хозяйстве стимулируются в первую очередь производством, отвечающим за исходные условия сельскохозяйственной деятельности, хотя не отстает и пищевая промышленность. Для критиков современного капитализма подобные инновации — следующий этап «индустриализации» традиционного земледелия за счет серьезных и все возрастающих экологических издержек, включая расходы на здравоохранение вследствие того, как выращивается и перерабатывается продовольствие, а также снижения питательной ценности и повышения токсичности многих продуктов.

Существуют и иные политэкономические объяснения неравномерности развития капиталистического сельского хозяйства. Одно из них утверждает, что груз земельной ренты, вычитаемой из прибыли, заставляет капитал перекладывать эти затраты на плечи семейных ферм (Djurfeldt, 1981), как и риски отсроченной реализации сельхозтоваров. Другой аргумент связан с организацией труда: намного сложнее, а значит, и дороже регулировать и контролировать скорость и качество работы на поле или в саду, чем на фабрике, что определяет преимущества семейного труда перед наемным в сельском хозяйстве. Третий аргумент состоит в том, что, когда быстрая индустриализация и связанная с ней урбанизация повышают уровень заработной платы, семейные хозяйства в полной мере ощущают «преимущество соотношения „труд — цена“» над капиталистическими хозяйствами. Это является одним из факторов «провала

аграрного капитализма», точнее, капиталистического сельского хозяйства в Великобритании, Германии, Нидерландах и США в период с 1846 по 1919 год (Koning, 1994).

Все три аргумента можно интерпретировать по-разному, например как механизмы превращения мелких хозяйств в *конкурентоспособные* благодаря их согласию пойти на затраты и риски, от которых отказались капиталистические предприятия. Соответственно, мелкие фермеры могут поставлять продукты по более низким ценам, чем капиталистические агропредприятия, хотя капиталу выгодно инвестировать в сельскохозяйственную деятельность в обоих форматах на «входе» (сырье и условия) и «выходе» (продукция). Это приводит нас ко второй группе объяснений неравномерности развития капитализма в сельском хозяйстве: капиталу было выгодно сохранять семейные хозяйства. Впрочем, преимущества семейного хозяйства по сравнению с капиталистическим могут оказаться лишь оборотной стороной препятствий на пути капиталистического развития, хотя эти препоны непостоянны.

А. В. Чаянов говорил о крестьянах как о *мелких* товаропроизводителях, которые используют труд своей семьи (домохозяйства), а не наемный труд (Chayanov, 1966). Это допущение нас ограничивает в теоретическом и историческом смысле по нескольким причинам: во-первых, временная шкала Чаянова коррелирует с *размером* хозяйства и предполагает, что его размеры ограничены площадью земли, которую можно обработать силами семьи, используя доступные на тот период средства производства. В современном капитализме более релевантной мерой масштабов хозяйства стала *капитализация*, то есть размер капитала, необходимого для создания разных типов хозяйств («затраты на организацию производства») и их воспроизводства. Во-вторых, понятие «семейное хозяйство» часто используется для обозначения разных вещей — семейного *владения,* семейного *управления* и семейного *труда*: семейное владение может быть капиталистическим предприятием, которым руководит наемный управляющий и в котором трудятся наемные работники; управляемое семьей хозяйство может быть капиталистическим предприятием, нанимающим работников и/или подрядчиков под конкретные виды работ; остается только обрабатываемое семейным трудом хозяйство, которое в полной мере может считаться семейным и является единственным примером, где эксплуатация (в любом смысле этого слова) земледельца в принципе невозможна. Хозяйства, которые стремятся максимально включиться в современное капиталистическое сельское хозяйство, согласно чаяновскому описанию ситуации в Северной Америке, например, те, что поставляют свою продукцию агропромышленным корпорациям по контрактам, как правило, являются капиталистическими предприятиями, использующими наемный труд, и не отличаются от (обычно мелких) капиталистических предприятий, которые специализируются на производ-

стве, скажем, автомобильных деталей по контрактам с крупными автопроизводителями.

Итак, различные политэкономические теории пытаются объяснить, почему развитие капитализма не породило полноценного капиталистического сельского хозяйства. Объединяет эти теории убеждение, что капитализм изобретает разные способы подстройки и включения мелких и семейных хозяйств (крестьян) в свои рыночные структуры и процессы накопления до тех пор, пока это выгодно капиталу. Часто, хотя не всегда, эти способы ассоциируются с попытками прямой или косвенной эксплуатации земледельцев, будь то на Юге или на Севере, где доля мелких хозяйств в общей стоимости сельхозпродукции неуклонно снижается по причине возрастания доли (и стоимости) «входных» условий, что приносит прибыль агропромышленным корпорациям, а также переработки и сбыта, прибыль от которых достается им же (Weis, 2007: 82). С другой стороны, мелкие хозяйства в некоторых регионах Юга были маргинализированы и обойдены «проникновением капитала в земледелие», нередко на долгий срок. Иными словами, живучесть крестьянства — результат того, что первоначальное накопление оказалось неравномерным и затяжным процессом, пусть даже сегодня он завершен в ряде регионов благодаря интенсивному «накоплению через изъятие». Тем не менее этот процесс плохо предсказуем и подвержен изменениям, поэтому капитализм изобретает способы подведения мелких хозяйств под рыночные условия «*до тех пор, пока* ему это выгодно».

Существует и третье объяснение неравномерного развития сельского хозяйства при капитализме, включая колониальные периоды в разных регионах Юга, — это *сопротивление* мелких фермеров и крестьян коммодификации, а также угрозам выселения и пролетаризации (борьба за землю, против аренды, налогов, долговой кабалы, трудовых повинностей и разных форм контроля и т. д.). Существует множество примеров подобного сопротивления — широкомасштабных и локальных, жестоких и мирных. Наиболее крупные и героические виды борьбы в Мексике, России, Китае, Вьетнаме, Алжире и Кубе в период с 1900-х по 1960-е годы описаны в книге Э. Вульфа «Крестьянские войны двадцатого века» (Wolf, 1969). Сегодня часто высказывается идея, согласно которой неолиберальная глобализация породила контрдвижение «глобального аграрного сопротивления» (McMichael, 2006).

В колониальных условиях метрополии часто не были готовы к решению масштабной задачи лишения крестьян земли и закабаления, особенно в густонаселенной сельской местности, где это неизбежно порождало восстания и беспорядки. Поэтому колониальные власти предпринимали разные шаги, которые прямо или косвенно, намеренно или невольно вели к коммодификации крестьянского хозяйства. Часть крестьян в колониях и сами предлагали новые варианты специализированного товарного производства

и с течением времени наиболее успешные из них создали капиталистические хозяйства. Вместо того чтобы выступать в роли пассивных жертв или активных борцов против колониального режима, многие крестьяне пытались *договориться* о переходе к товарному производству, который им навязывался, на более или менее выгодных условиях, мобилизуя значительные или скудные ресурсы земли и труда, с большим или меньшим успехом. То же самое можно сказать и о реакции местных сообществ на навязывание им модели национального развития после обретения независимости от колониального господства.

Политическая независимость и девелопментализм принесли с собой продуманные стратегии развития мелких хозяйств в целях их модернизации и дальнейшей коммодификации, и одной из них стала перераспределительная *земельная реформа*. Перераспределение прав собственности на землю осуществлялось в разных формах: (1) конфискация крупных землевладений и перераспределение их между мелкими хозяйствами; (2) передача прав собственности на землю тем мелким хозяйствам, которые ее обрабатывали, чтобы избавить их от арендных поборов и власти землевладельцев и гарантировать источник доходов; (3) национализация или обобществление крупных коммерческих хозяйств и плантаций; (4) деколлективизация совхозов и коммун в странах бывшего советского блока, Китае, Вьетнаме и на Кубе.

Подобные земельные реформы — всегда политические решения, хотя часто они экономически целесообразны и имеют социально-экономические последствия. Первые два типа земельной реформы ассоциируются с лозунгом «Земля крестьянам!», который может озвучиваться и «снизу», и «сверху». Если земельная реформа инициируется «снизу», то главную роль в ней играет крестьянское движение против бедности и голода, социальной несправедливости и угнетения. Его проявления достигли своего пика в период с 1900-х по 1970-е годы: борьба против крупных землевладельцев была особенно напряженной там, где сочеталась с антиколониальным или антиимпериалистическим движением. Иногда земельная реформа «сверху» в послевоенный период была ответом на угрозу социальных волнений, например крестьянских войн в Японии и Корее в 1940–1950-е годы (американская военная оккупация). Экономический смысл земельной реформы «сверху» состоит в том, что если предоставить мелким хозяйствам гарантированное право собственности на землю, то при правильных стимулах они увеличат производительность, тогда как крупные землевладельцы не обрабатывают землю, а используют ее для спекуляций или получения арендной платы, которую отказываются (ре)инвестировать в производство. Земельная реформа «сверху» стремится не раздробить коммерчески успешные капиталистические хозяйства — результат агропромышленной модернизации, а, наоборот, всячески их поддержать.

Заключение, или Проблемы классовой модели

Социальные различия и водоразделы не обязательно возникают при капитализме, кроме того, их не всегда можно объяснить с позиций интересов капитала. Наблюдается огромная пропасть между теорией, согласно которой все, что существует в капиталистическом мире, служит интересам капитала («функционалистское» объяснение), и попытками исследовать, как элементы капитализма возникают вследствие противоречивой динамики общественных отношений, которые видоизменяют докапиталистические практики и верования. Эту динамику также определяют непредвиденные последствия, с одной стороны, конкретных стратегий накопления и политического господства классов капитала, с другой стороны — стремления трудовых классов к воспроизводству и угрозы капиталу со стороны контрдвижений.

Чтобы перейти от экономической социологии классовых отношений к проблемам классовой идентичности и сознания, а затем к коллективным политическим практикам, необходимо рассмотреть ряд иных факторов и детерминант политической жизни. Во-первых, экономическая и социальная власть капитала, проистекающая из системы распределения собственности и товарных отношений, должна подкрепляться политически и идеологически и осуществляться государством (это универсальный, но не единственный механизм). Не существует никаких гарантий единства, последовательности или эффективности того, как именно классы капитала воспринимают, предвидят, оценивают или пытаются сдержать общественные противоречия капитализма, чтобы одновременно добиться прибыли и накопления капитала и при этом гарантировать легитимность или по крайней мере молчаливое одобрение своих действий.

Во-вторых, существует «множество способов, посредством которых власть фрагментирует жизненные *обстоятельства* и *практики* угнетенных» (Mamdani, 1996: 272). И политическая социология классов задает вопрос, как именно эти обстоятельства *переживаются*. С экзистенциальных позиций они не воспринимаются (само) очевидно как классовая эксплуатация и угнетение *в целом* — только в рамках неких идентификаций: городские — сельские жители, промышленные рабочие — сельскохозяйственные работники, мужчины — женщины и т. д. Сельские районы Юга охвачены борьбой под разными политическими лозунгами, в ней сталкиваются разные акторы, начиная с агробизнеса, национальных и локальных классов земельных собственников и аграрного капитала и заканчивая мелкими фермерами и разрозненными трудовыми классами. Подобные противостояния подвержены универсальным, но не единым принципам классовой динамики, которые в сложнейших сочетаниях переплетаются со структурными ресурсами и практиками других общественных противоречий. Это определяет различия масштабов и видов политической борьбы.

Как и повседневные формы сопротивления, интенсивные противостояния в широких региональных масштабах — характерная черта земельных конфликтов в странах Африки к югу от Сахары. Поразительно, но самые жестокие войны в их современной истории, которые обычно преподносятся международными средствами массовой информации как примеры африканского трайбализма или варварства, имеют долгую предысторию земельных конфликтов. Последние менялись под влиянием колониального политического и земельного управления и коммодификации, вариативно усиливались последствиями эксплуатации природных ресурсов, изменения климата и избирательного вмешательства международных политических акторов. Это *действительно* борьба «между группами, различающимися региональной, этнической или религиозной принадлежностью» (Peters, 2004: 305), но *также* и борьба против классовой динамики в «скрытой и неартикулированной форме» (Peters, 1994: 210).

Другие распространенные локальные формы борьбы имеют более выраженный классовый характер, особенно если речь идет о найме, контроле и оплате труда рабочих. Первый тип конфликтов — борьба рабочих плантаций с их владельцами и работодателями; второй — территории бурного крестьянского капитализма в Индии, отмеченные открытыми конфликтами между богатыми и средними фермерами, с одной стороны, и их работниками — с другой. Оба типа сельской классовой борьбы могут быть крайне жестокими, если классовые процессы усугубляются социальными различиями — делением на касты и гендерными отношениями — и ролью этнического фактора в трудоустройстве.

Являются ли нынешние аграрные протесты наследниками великих крестьянских движений прошлого по крайней мере с точки зрения масштабов и значения, если не обстоятельств возникновения, методов или целей? В основе мобилизации крестьянских движений в XX веке лежали вопросы земли, аренды и налогов, пауперизации, угнетения и социальной несправедливости часто в условиях глобального социального катаклизма или войны. Обычно крестьянские выступления были частью более широкого движения за национальное освобождение и социальную революцию, велись методами партизанской войны, имели историческую и локальную специфику, были разнородными по классовому составу. В современном мире неолиберальной глобализации возникли новые аграрные движения, которые стремятся объединить всех мелких фермеров или всех мелких и «*средних фермеров*» (Desmarais, 2007: 6;) на Юге, иногда вместе с семейными фермерами на Севере, в качестве «людей земли». Предлагаемый подобными аграрными движениями политический проект обычно направлен против «приватизации сельского хозяйства... [которая] *повсюду* осуществляется неизменно в ущерб сельскому населению» (McMichael, 2006: 473).

Библиография

Amin S. (1976). Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. Hassocks: Harvester Press.

Bagchi A. K. (2009). Nineteenth Century Imperialism and Structural Transformation in Colonized Countries // A. H. Akram-Lodhi, C. Kay (eds.). Peasants and Globalization, Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question. L.: Routledge.

Bello W. (2009). The Food Wars. L.: Verso.

Bharadwaj K. A. (1985). View of Commercialisation in Indian Agriculture and the Development of Capitalism // Journal of Peasant Studies. Vol. 12. № 4.

Chayanov A. V. (1966). The Theory of Peasant Economy. D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (eds.). Homewood, Illinois: Richard Irwin for the American Economic Association.

Crosby A. W. (1986). Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe 900–1900. Cambridge: Cambridge University Press.

Davis M. (2001). Late Victorian Holocausts. El Niño Famines and the Making of the Third World. L.: Verso.

Desmarais A. A. (2007). La Vía Campesina. Globalization and the Power of Peasants. Halifax: Fernwood Publishing.

Djurfeldt G. (1981). What Happened to the Agrarian Bourgeoisie and Rural Proletariat Under Monopoly Capitalism? Some Hypotheses Derived from the Classics of Marxism on the Agrarian Question // Acta Sociologica. Vol. 24. № 3.

Friedmann H. (1993). The Political Economy of Food: A Global Crisis // New Left Review. № 197.

Kay C. (1974). Comparative Development of the European Manorial System and the Latin American Hacienda System // Journal of Peasant Studies. Vol. 2. № 1.

Kay G. (1975). Development and Underdevelopment. L.: Macmillan.

Kitching G. (2001). Seeking Social Justice through Globalization, University Park PA: Pennsylvania State University Press.

Koning N. (1994). The Failure of Agrarian Capitalism. Agrarian Politics in the United Kingdom, Germany, the Netherlands and the USA, 1846–1919. L.: Routledge.

Mamdani M. (1996). Citizen and Subject. Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism. Cape Town: David Philip.

Marx K. (1976). Capital. Vol. I. Harmondsworth: Penguin Books, 1976 (first published 1867; translated by B. Fowkes).

McMichael P. (2006). Reframing Development: Global Peasant Movements and the New Agrarian Question // Canadian Journal of Development Studies. № 27.

Moore Jr. B. (1966). Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press.

Peters P. E. (1994). Dividing the Commons. Politics, Policy and Culture in Botswana. Charlottesville: University of Virginia Press.

Peters P. E. (2004). Inequality and Social Conflict over Land in Africa // Journal of Agrarian Change. Vol. 4. № 3.

Sender J., Smith S. (1986). The Development of Capitalism in Africa. L.: Methuen.

Freyhold, von M. (1979). Ujamaa Villages in Tanzania. Analysis of a Social Experiment. L.: Heinemann.

Warren B. (1980). Imperialism: Pioneer of Capitalism. L.: Verso.

Weis T. (2007). The Global Food Economy. The Battle for the Future of Farming. L.: Zed Books.

Wolf E. (1969). Peasant Wars of the Twentieth Century. N. Y.: Harper and Row.

Henry Bernstein, Professor of Development Studies of the University of London at the School of Oriental and African Studies, Adjunct Professor at the College of Humanities and Development Studies of China Agricultural University, Beijing; coeditor of Journal of Agrarian Change. Thornhaugh Street, Russell Square, London WC1H 0XG, United Kingdom. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk.

Irina Trotsuk, D. Sc (Sociology), Associate Professor at the Sociology Chair of Peoples' Friendship University of Russia; Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

This article is an abridged version of the book "Class Dynamics of Agrarian Change". The author believes that to understand the agrarian change in the modern world we need to analyze capitalism as a system of relations between capital and labour, which alters the social character of small-scale farming, generates "subsistence commodification", and creates not a single class of peasants or family farmers, but rather differentiated classes of small-scale capitalist farmers, petty commodity producers, and wage labour. The author uses Marx's theory of the capitalist mode of production to make sense of diverse and complex agrarian histories of the modern world, and to propose some "very general themes" of the world-historical career of capitalism instead of simple, ideologically attractive morality tales on peasant world and its transformations. The author presents his interpretations of the concepts "production", "productivity" and "reproduction" emphasizing the role of active subjects (agents); proposes the general logic of the historical relationships of colonialism and capitalism that determined the large-scale agrarian change on all continents; identifies new forms of the world capitalist system organization under the neo-liberal globalization; highlights the role of resistance against capitalist exploitation and land reforms in the development of modern agriculture.

Key words: political economy; agrarian change; capitalism; colonialism; class of capitalists; class of petty commodity producers; class of wage labour; Marx's theory.

References

Amin S. (1976) *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. Hassocks: Harvester Press.

Bagchi A. K. (2009) Nineteenth Century Imperialism and Structural Transformation in Colonized Countries / A. H. Akram-Lodhi, C. Kay (eds.). *Peasants and Globalization, Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question*. L.: Routledge.

Bello W. (2009) *The Food Wars*. London: Verso.

Bharadwaj K. (1985) A View of Commercialisation in Indian Agriculture and the Development of Capitalism. *Journal of Peasant Studies,* vol. 12, no 4.

Chayanov A. V. (1966) *The Theory of Peasant Economy.* D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (eds.). Homewood, Illinois: Richard Irwin for the American Economic Association.

Crosby A. W. (1986) *Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press.

Davis M. (2001) *Late Victorian Holocausts. El Niño Famines and the Making of the Third World.* L.: Verso.

Desmarais A. A. (2007) *La Vía Campesina. Globalization and the Power of Peasants*. Halifax: Fernwood Publishing.

Djurfeldt G. (1981) What Happened to the Agrarian Bourgeoisie and Rural Proletariat Under Monopoly Capitalism? Some Hypotheses Derived from the Classics of Marxism on the Agrarian Question. *Acta Sociologica*, vol. 24, no 3.

Friedmann H. (1993) The Political Economy of Food: A Global Crisis. *New Left Review,* no 197.
Kay C. (1974) Comparative Development of the European Manorial System and the Latin American Hacienda System. *Journal of Peasant Studies,* vol. 2, no 1.
Kay G. (1975) *Development and Underdevelopment*. L.: Macmillan.
Kitching G. (2001) *Seeking Social Justice through Globalization*. University Park PA: Pennsylvania State University Press.
Koning N. (1994) *The Failure of Agrarian Capitalism. Agrarian Politics in the United Kingdom, Germany, the Netherlands and the USA, 1846–1919*. L.: Routledge.
Mamdani M. (1996) *Citizen and Subject. Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Cape Town: David Philip.
Marx K. (1976) *Capital.* Vol. I. Harmondsworth: Penguin Books.
McMichael P. (2006) Reframing Development: Global Peasant Movements and the New Agrarian Question. *Canadian Journal of Development Studies,* no 27.
Moore Jr.B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
Peters P. E. (1994) *Dividing the Commons. Politics, Policy and Culture in Botswana*. Charlottesville: University of Virginia Press.
Peters P. E. (2004) Inequality and Social Conflict over Land in Africa. *Journal of Agrarian Change,* vol. 4, no 3.
Sender J., Smith S. (1986) *The Development of Capitalism in Africa*. L.: Methuen.
von Freyhold M. (1979) *Ujamaa Villages in Tanzania. Analysis of a Social Experiment*. L.: Heinemann.
Warren B. (1980) *Imperialism: Pioneer of Capitalism*. L.: Verso.
Weis T. (2007) *The Global Food Economy. The Battle for the Future of Farming*. L.: Zed Books.
Wolf E. (1969) *Peasant Wars of the Twentieth Century*. N.Y.: Harper and Row.